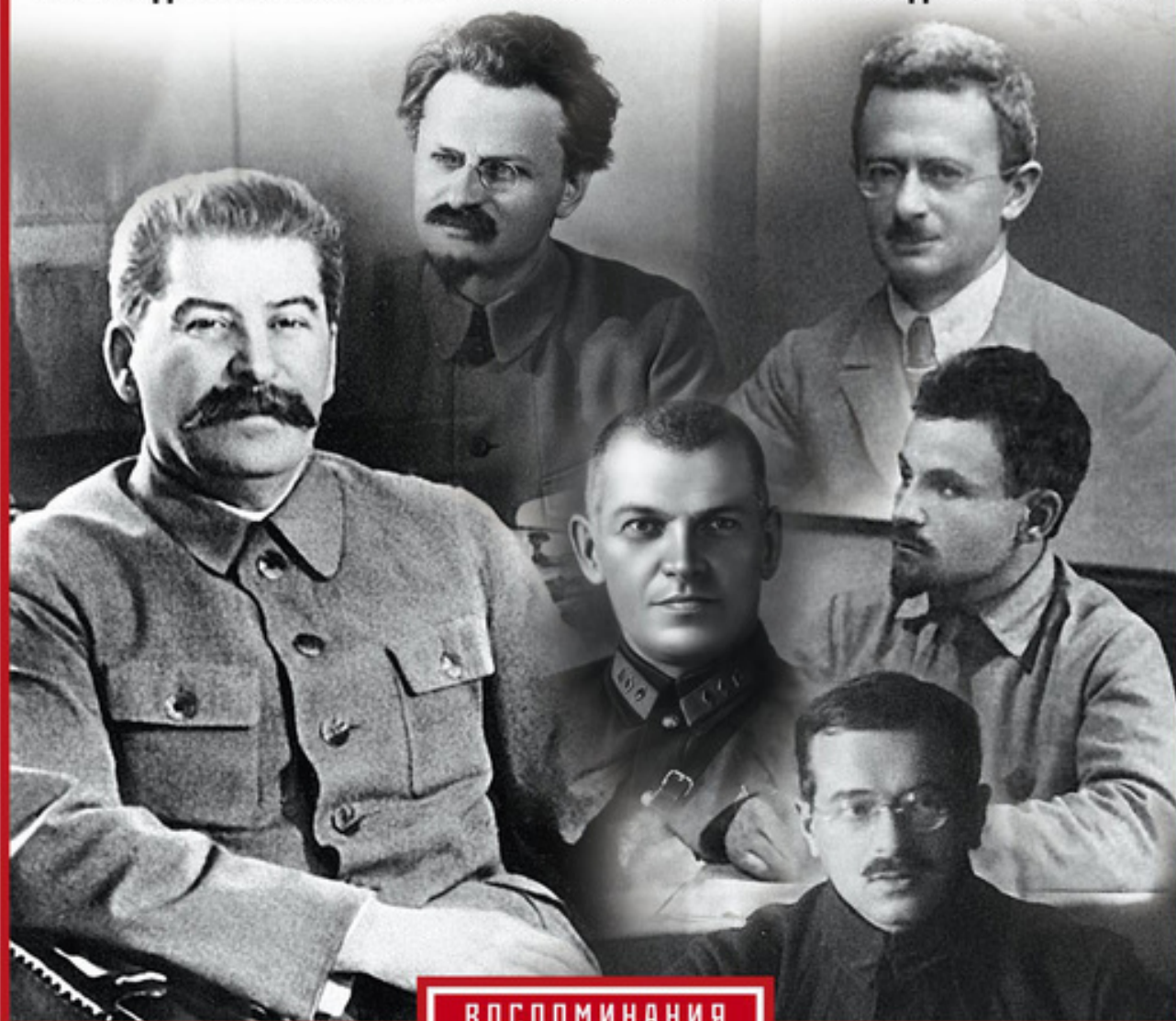

ВАЛЬТЕР КРИВИЦКИЙ

НА СЛУЖБЕ В СТАЛИНСКОЙ РАЗВЕДКЕ

РУКОВОДИТЕЛЬ АГЕНТУРНОЙ СЕТИ
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РККА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

ВОСПОМИНАНИЯ
НЕВОЗВРАЩЕНЦА

Вальтер Кривицкий

**На службе в сталинской разведке.
Тайны русских спецслужб
от бывшего шефа советской
разведки в Западной Европе**

«Центрполиграф»

УДК 82-8
ББК 84(2)

Кривицкий В. Г.

На службе в сталинской разведке. Тайны русских спецслужб
от бывшего шефа советской разведки в Западной Европе /
В. Г. Кривицкий — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-07489-8

Вальтер Германович Кривицкий – под этим именем он был известен в списках личного состава Разведывательного управления Штаба РККА. Настоящее его имя было Самуил Гинзбург. Он был одним из крупнейших специалистов Разведывательного управления по западноевропейским странам, преподавал в Высшей школе подготовки разведчиков, занимая должность, соответствующую званию командира бригады РККА, с 1933 по 1934 год был директором Института военной промышленности. Сталинский произвол и некоторые внешнеполитические акции советского руководства, мысль о возможном аресте вызывали большое беспокойство у Кривицкого. Однако он не сразу решился на крайний шаг – стать невозвращенцем.

УДК 82-8
ББК 84(2)

ISBN 978-5-227-07489-8

© Кривицкий В. Г.
© Центрполиграф

Содержание

От автора	6
Глава 1. Сталин ублажает Гитлера	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вальтер Кривицкий
На службе в сталинской разведке. Тайны
русских спецслужб от бывшего шефа
советской разведки в Западной Европе

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

От автора

Вечером 22 мая 1937 года я сел на поезд в Москве, чтобы вернуться на свое рабочее место в Гаагу, где я возглавлял советскую военную разведку в Западной Европе. В тот момент я вряд ли понимал, что больше не увижу Россию – по крайней мере, до тех пор, пока Сталин является ее хозяином. Почти двадцать лет я служил советскому правительству. Почти двадцать лет я считал себя большевиком. Поезд мчался к финской границе, а я, пребывая в одиночестве в купе, думал о судьбе своих коллег, своих товарищей и друзей: почти все они были либо расстреляны, либо находились в концлагерях. Они отдали всю свою жизнь строительству нового, лучшего мира и погибли на своем посту – не от вражеской пули, а лишь потому, что так было угодно Сталину.

Кто из оставшихся здесь вызывал уважение и восхищение? Кто из героев и героинь нашей революции не был раздавлен или уничтожен? Смею думать, что очень немногие. Все те, чья честность не вызвала и малейшего сомнения, вдруг стали предателями, шпионами или просто уголовными преступниками. В моей голове проносились картины из прошлого: во время Гражданской войны эти «предатели» и «шпионы» тысячу раз, не дрогнув, смотрели в лицо смерти; затем тяжелые времена индустриализации и сверхчеловеческие усилия закаляли нас; потом были коллективизация и голод, когда еды хватало лишь на то, чтобы поддерживать в нас жизнь. И вот последовала великая репрессивная чистка рядов, уничтожавшая тех, кто работал из последних сил, чтобы построить государство, где человек никогда бы больше не мог эксплуатировать человека.

За долгие годы борьбы мы привыкли повторять себе, что победы над несправедливостью, царящей в старом обществе, можно добиться только жертвами – как моральными, так и физическими, что новый мир никогда не наступит, если не уничтожить без остатка родимые пятна старого. Но было ли уничтожение всех большевиков необходимым условием торжества большевистской революции? Или в противном случае революция бы погибла? Тогда я не знал ответа на эти вопросы, но задавал их снова и снова...

Когда мне было тринадцать, я примкнул к движению рабочего класса. Это не было осмысленным решением зрелого человека, скорее почти детским поступком. Заунывные напевы о страданиях перемешались в моей голове с новыми песнями о свободе. Но в 1917 году я был восемнадцатилетним юношей, и большевистская революция вошла в мое сознание как абсолютно верное решение всех проблем нищеты, неравенства и несправедливости. С чистым сердцем и всей душой я вступил в партию большевиков. Я ухватился за марксизм-ленинизм как за оружие, способное уничтожить то неправильное, против чего я инстинктивно взбунтовался.

На протяжении всех тех лет, пока я служил советскому правительству, я никогда не ожидал от власти ничего иного, кроме как права продолжать свою работу. И мне никогда не давали ничего иного. Спустя многие годы советское правительство укрепило свое положение, а меня отправили за границу, где я не раз рисковал своей жизнью и дважды оказывался в тюрьме. Я работал по шестнадцать – восемнадцать часов в день, но так и не заработал ничего сверх того, что покрывало мои простые повседневные расходы. Да, путешествуя за границей, я жил в относительном комфорте, но денег у меня не было даже на то, чтобы в конце 1935 года должным образом обогреть свою квартиру в Москве или купить молока для двухлетнего сына. Я не занимал важных постов, да у меня и не было особого желания (работа отнимала все мое время) стать одним из новых привилегированных чиновников с материальным положением, которое имели защитники советского порядка. Я тоже защищал его, поскольку верил, что он и есть единственно верный путь строительства нового и лучшего общества.

Тот факт, что моя работа была связана с защитой страны от внешних врагов, не давал мне размышлять о происходящем в пределах наших границ и особенно внутри маленького

мирка политической власти. Будучи офицером разведки, я видел внешних врагов Советского Союза значительно ближе, чем внутренних заговорщиков. Я знал о сепаратистских и фашистских заговорах, выстававших на зарубежной почве, но не имел никакого отношения к интригам в Кремле. Я видел, как Сталин возвышался до абсолютной власти, в то время как ближайшие соратники Ленина гибли от рук того самого государства, которое они создали. Но, как и многие другие, я вновь и вновь убеждал себя, что все это, возможно, ошибки руководства, что Советский Союз все еще полон сил и является надеждой человечества.

Были такие ситуации, когда даже эта вера вдруг становилась шаткой. Если бы тогда я связывал надежды хоть с чем-то еще, то, быть может, я бы выбрал новый курс. Но каждый раз события в другой части мира будто входили в сговор и удерживали меня на службе у Сталина. В 1933 году, когда миллионы русских людей умирали от голода и я знал, что это результат безжалостной сталинской политики, что Сталин намеренно не разрешает государству оказывать им помощь, я видел также, что Гитлер захватил власть в Германии и разрушает там все, что мы понимаем под жизнью человеческого духа. Сталин был врагом Гитлера, и я решил остаться на службе у Сталина.

В феврале 1934 года я вновь столкнулся с той же самой дилеммой и сделал тот же самый выбор. Я тогда находился в ежегодном отпуске и месяц отдыхал в санатории «Марьино», что в Курской области, в средней полосе России. Когда-то Марьином владел князь Барятинский – покоритель Кавказа. Этот великолепный дворец, напоминающий по стилю Версаль, был окружен прекрасными английскими парками и рукотворными озерами. Санаторий располагал отличным персоналом, состоящим из врачей, спортивных инструкторов, медсестер и других работников. Недалеко от закрытой территории располагалось государственное подсобное хозяйство, где трудились крестьяне, обеспечивающие гостей продуктами. Охрана на воротах не позволяла им проникать за ограду.

Как-то утром, вскоре после моего приезда, я и мой спутник отправились на прогулку к деревне, где жили крестьяне. Открывшаяся нашему взору картина буквально потрясла меня. Полураздетые ребятишки выбежали из убогих домишек и умоляли нас дать им кусок хлеба. В крестьянском кооперативном магазине не было ни еды, ни топлива – ничего, что можно было бы купить. Ужасная нищета бросилась мне в глаза – я был подавлен.

В тот вечер отдыхающие расположились в залитой светом столовой «Марьины» и, отлично поужинав, весело болтали. На улице было холодно, а здесь потрескивающий камин создавал ощущение тепла и покоя. Я зачем-то обернулся и посмотрел в окно. И увидел лихорадочно сверкавшие глаза голодных крестьянских мальчишек – беспризорников; их крошечные лица казались приклеенными к холодному стеклу. Скоро и другие проследили за направлением моего взгляда и тут же приказали охранникам отогнать непрошенных гостей. Почти каждый вечер эти ребятишки каким-то образом проникали за ограждение и бродили у дворца в поисках хоть какой-то еды. Иногда мне удавалось незамеченным выскользнуть из столовой и вынести им немного хлеба. Но я делал это тайно, потому что такая практика в нашей среде не поощрялась. У советских чиновников выработался своеобразный защитный стереотип против человеческих страданий: «Мы все идем по трудной дороге к социализму. Многим суждено пасть на обочине. Мы должны хорошо питаться и восстанавливать силы после долгих трудов, наслаждаясь несколько недель в году отдыхом и комфортом, которые пока еще не доступны для других, потому что мы строители прекрасного будущего. Мы строители социализма. Мы должны поддерживать свое здоровье, чтобы продолжать свой путь по этой трудной дороге. А если какие-то несчастья встречаются нам на пути, то о них позаботятся в свое время. А пока – прочь с дороги! Не докучайте нам своими страданиями! Если мы будем останавливаться, чтобы бросать вам крошки, то никогда не достигнем цели!»

Вот так. Понятно, что люди, сохраняя спокойствие таким образом, вовсе не собирались слишком сокрушаться о поворотах на этой дороге или слишком критически интересоваться, действительно ли она ведет к прекрасному будущему.

Однажды морозным утром, возвращаясь из «Марьино» домой, я добрался до Курска. Вошел в здание вокзала, чтобы подождать там прибытия скорого поезда из Москвы. Плотно позавтракал в буфете. У меня еще оставалось время, и я пошел в зал ожидания пассажиров третьего класса. Никогда мне не удастся забыть то, что я там увидел. Зал был до отказа забит мужчинами, женщинами и детьми. Около шести сотен крестьян, похожих на стадо животных, которых перегоняют из одного загона в другой. Картина была столь ужасной, что на какой-то момент мне показалось, будто тучи летучих мышей мечутся над головами этих измученных существ. Многие, почти обнаженные, лежали на холодном полу. Другие явно умирали от тифа. Голод, боль, горе или просто немое, полумертвое страдание читались на каждом лице. Я стоял и смотрел, а милиционеры из ОГПУ с каменным выражением лица заставляли людей вставать и гнали их, как скот, толкая и пиная тех, кто сопротивлялся или просто не мог идти. Обернувшись, я увидел, как какой-то старик остался на полу. Это было не что иное, как трагическое выселение. Я знал, что миллионы честных крестьянских семей, которых Сталин называл «кулаками» (это имя означало нечто более ужасное, чем жертвы), были сорваны с родной земли, переселены и уничтожены.

Но я также знал, что в это же самое время (шел февраль 1934 года) фашистские полевые орудия на улицах Вены обстреливали аккуратные домики рабочих, которые построили социалисты. Фашистские автоматы косили австрийских трудящихся, отчаянно пытавшихся отстаивать социализм. Фашизм наступал со всех сторон. Силы реакции закреплялись повсюду. Советский Союз все еще казался единственной надеждой человечества. И потому я продолжал служить Советскому Союзу, а значит, и его хозяину – Сталину.

Через два года, во время испанской трагедии, я видел, как Муссолини и Гитлер бросали своих людей и снаряжение на помощь Франко, а премьер Франции Леон Блюм, социалист, был втянут в лицемерную игру под названием «невмешательство», которая привела к гибели Испанской республики. Я понимал, что решительность Сталина была запоздалой, робкой и недостаточной, чтобы оказать реальную помощь осажденной стране. Я все еще ощущал себя человеком, выбирающим из двух зол меньшее. Я сражался на той стороне, которую считал правой.

Однако потом наступил поворотный момент. Я наблюдал, как Сталин, собирая средства на свою запоздалую помощь, бросил нож в спину республиканского правительства. Я видел, как шла чистка рядов в Москве, которая уничтожила целую большевистскую партию. Я видел, как все это переносилось в Испанию. И в то же самое время, имея преимущества службы в разведке, я видел, как Сталин тайне протянул руку дружбы Гитлеру. Я видел, как он был предупредителен и вежлив с нацистским лидером и при этом казнил великих генералов Красной армии – Тухачевского и других военачальников, под руководством которых я долгие годы защищал Советский Союз и социализм.

И затем Сталин совершил то, что стало для меня последней каплей: он уничтожил всех ответственных работников, которые не хотели быть участниками расстрельных отрядов ОГПУ. Чтобы доказать свою преданность, я должен был сдать одного близкого товарища. Я отклонил это предложение. И порвал со Сталиным. Я заставил себя не закрывать глаза на то, что окружало меня. Я заставил себя понять, что вне зависимости от того, были ли еще другие места в этом мире, связанные с надеждой на лучшее, я служу тоталитарному деспоту, который отличается от Гитлера только своими фразами о социализме – жалкими остатками марксистских и социалистических лозунгов, за которые он отчаянно цеплялся.

Я порвал со Сталиным и начал говорить правду о нем осенью 1937 года, когда он успешно манипулировал общественным мнением и умами государственных мужей как Европы, так и

Америки, открыто, но притворно обличая Гитлера. Многие умные люди советовали мне молчать, но я заговорил. Я начал говорить ради миллионов, которые погибли во время навязанной им коллективизации и практически спланированного голода, а также ради миллионов, все еще принудительно трудящихся в лагерях, а еще ради сотен тысяч моих бывших товарищей-большевиков, которые томились в тюрьмах, ради тысяч и тысяч несчастных, которые были расстреляны. Последним трагическим актом предательства Сталина стало заключение пакта с Гитлером. И он сумел убедить большинство в необходимости потакать его безумию и закрывать глаза на его чудовищные преступления в надежде на то, что он, возможно, имеет действенное оружие для демократических армий.

И вот Сталин показал, что у него в руках. Настал час заговорить всем тем, кто молчал из-за своей недалновидности или по каким-либо стратегическим причинам. На это отважились лишь немногие. Бывший посол французского республиканского правительства Луис де Аракистаин пытался вывести мировое сообщество из заблуждения, указав на действительный характер «помощи» Сталина Испанской республике. Так же заговорил и Ларго Кабальеро, бывший испанский премьер-министр.

Были и другие, которые чувствовали потребность заговорить. Одним из них стал Ромен Роллан. Трудно переоценить ту помощь, которую оказал тоталитаризму этот именитый писатель: он прикрыл ужасы сталинской диктатуры роскошной мантией своей славы. В течение многих лет Роллан вел переписку с Максимом Горьким – известным русским литератором, который одно время был весьма дружен со Сталиным и даже пытался хоть как-то сдерживать последнего. Несомненно, это обстоятельство способствовало тому, что Роллан был причислен к дружественному лагерю. Однако в последние месяцы своей жизни Горький пребывал в моральном заключении. Сталин отказал ему в разрешении выехать за границу, хотя это было необходимо для его здоровья. Почту писателя проверяли, а письма от Романа Роллана перехватывались Стецким – впоследствии начальником секретариата Сталина – и складывались в сталинскую папку «Роллан». Обеспокоенный молчанием своего друга, Горький писал еще одному своему товарищу – помощнику директора Московского художественного театра, спрашивая, что происходит. Во время последнего судебного разбирательства по делу о государственной измене миру было сказано, что Горький, которого все считали другом Сталина, был отравлен Ягодой. Тогда же в «Ла Флеш» опубликовали интервью с известным писателем Борисом Суваринным, а я объяснил Ромену Роллану, почему задержаны его письма. Я просил его сделать заявление о том, что его письма к Максиму Горькому перехватывает Сталин. Он предпочел молчать. Почему же сейчас он заговорил о том, что Сталин открыто протянул руку Гитлеру?

Бывший президент Чехословакии Эдвард Бенеш также решил отсидеться. Когда в июне 1937 года расстреляли Тухачевского и других военачальников Красной армии, Европа испытала страшный шок, а неверие в их вину было столь сильным, что Сталину пришлось искать способы, которые помогли бы убедить западные демократические правительства в том, что победитель Колчака и Деникина был нацистским шпионом. Сталин дал указания ОГПУ, и оно при содействии военной разведки Красной армии подготовило досье для передачи его чешскому правительству, содержащее сфабрикованные доказательства вины красных генералов. Эдвард Бенеш был совершенно уверен, что Сталин будет сражаться за Чехословакию, а потому посчитал эти доказательства достоверными.

Пусть Бенеш сейчас задумается об этом и пересмотрит в свете последних событий характер доказательств, подготовленных экспертами из ОГПУ, а также решит, вправе ли он молчать.

Теперь стало совершенно ясно, хотя это и больно осознавать, что утаивание преступлений Сталина – наихудший способ борьбы с Гитлером и что все те, кто предпочитал отмалчиваться, должны наконец заговорить. Если эти последние трагические годы хоть чему-то научили нас, то мы должны понять, что марш тоталитаристского варварства нельзя остановить

стратегическим отступлением на позиции полуправды и фальши. Никто не может диктовать те методы, которыми цивилизованная Европа будет восстанавливать человеческое достоинство и ценность человеческой личности; и я думаю, что все те, кто не присоединился ни к лагерю Гитлера, ни к лагерю Сталина, согласятся: первым оружием должна быть правда, а убийца должен быть назван убийцей.

Нью-Йорк, октябрь 1939 г.

В.Г. Кривицкий

Глава 1. Сталин ублажает Гитлера

Ночью 30 июня 1934 года, когда Гитлер впервые провел кровавую чистку и стало понятно, что он не намерен останавливаться на этом, Сталин созвал внеочередное заседание политбюро в Кремле. Еще до известия о том, что Гитлер претендует на мировое господство, Сталин решил сделать следующий шаг навстречу нацистскому режиму.

В то время я работал в отделе разведки Генерального штаба Красной армии в Москве. Мы знали, что кризис в Германии неизбежен. Все секретные донесения готовили нас к взрыву. Как только Гитлер начал кровавую чистку, мы стали постоянно получать бюллетени из Германии.

Той ночью я лихорадочно работал вместе с группой помощников, суммируя информацию для военного комиссара Ворошилова. На заседание политбюро вызвали и тех, кто не являлся его членами. Среди таковых были: генерал Берзин, мой начальник; Максим Литвинов, комиссар иностранных дел; Карл Радек, тогда директор информационного бюро Центрального комитета Коммунистической партии; и Артузов, начальник иностранного отдела ОГПУ.

Внеочередное заседание политбюро созвали для того, чтобы рассмотреть возможные последствия гитлеровской кровавой чистки и ее влияния на советскую международную политику. Конфиденциальная информация из наших источников указывала на наличие двух крайних группировок среди оппонентов Гитлера. Одна из них, возглавляемая капитаном Ремом, состояла из нацистских радикалов, недовольных умеренной политикой Гитлера. Они грезили о «второй революции». В другую входили офицеры германской армии, лидерами которых были генералы Шлейхер и Бредов. Эти мечтали о реставрации монархии. Ради свержения Гитлера они объединились с крылом Рема; и каждая из сторон надеялась в конечном итоге одержать победу. Однако в наших специальных бюллетенях из Германии содержались известия о том, что гарнизоны в крупных городах остаются верными Гитлеру и что большинство офицеров армии были преданы правительству.

В Западной Европе и в Америке кровавую чистку Гитлера повсюду воспринимали как доказательство ослабления нацистской власти. В советских кругах тоже нашлись такие, кто хотел бы верить в предзнаменование краха правления Гитлера. Сталин таких иллюзий не разделял. Подводя итоги дискуссиям на политбюро, он сказал:

– События в Германии совсем не указывают на падение нацистского режима. Напротив, они говорят о консолидации этого режима и усилении самого Гитлера.

Генерал Берзин вернулся с заседания в Кремле, цитируя это высказывание Сталина.

Переживая о том, каково же будет решение политбюро, я целую ночь не спал, ожидая возвращения Берзина. У нас было строго заведено, что никто, даже сам военный комиссар, не имел права брать домой конфиденциальные государственные бумаги, и я знал, что Берзин обязательно сначала приедет на работу, в отделение.

Сталинское изречение, в сущности, определяло дальнейший курс советской политики в отношении нацистской Германии. Политбюро приняло решение любой ценой склонить Гитлера к ведению дел с советским правительством. Сталин всегда верил в необходимость как можно раньше вступить в соглашение с сильным врагом. Ночь 30 июня убедила его в силе Гитлера. Однако такой курс вовсе не был новым для Сталина. Что касается его политики по отношению к Германии, то в таком курсе не было ничего революционного. Сталин лишь решил удвоить свои прежние усилия для того, чтобы умиротворить Гитлера. На этом строилась вся его политика в отношении нацистского режима за шесть лет его существования. Он разглядел в Гитлере настоящего диктатора.

Идея о том, что вплоть до недавнего российско-германского пакта Гитлер и Сталин были смертельными врагами, являлась мифом чистейшей воды. Она представляла собой искаженную картину, созданную с помощью умелой маскировки и фантастической пропаганды. Реаль-

ная картина их отношений заключалась в том, что настойчивого ухажера не пугает отказ. Сталин и был таким ухажером. Со стороны Гитлера шла вражда, Сталин же испытывал страх.

Если говорить о тех, кто в Кремле был настроен прогермански, то такой фигурой был прежде всего сам Сталин. Сразу после смерти Ленина он начал проявлять благожелательное отношение к сотрудничеству с Германией и не изменил своего мнения, когда к власти пришел Гитлер. Напротив, триумф нацизма укрепил его желание иметь тесные связи с Берлином. И он торопился, подталкиваемый японской угрозой на Дальнем Востоке. Он испытывал глубокое неуважение к «слабым» демократическим государствам и столь же сильно уважал «могущественные» тоталитарные державы. И через все свое правление он пронес мысль о том, что нужно идти на сделки с сильными государствами.

В течение последних шести лет вся международная политика Сталина представляла собой серию маневров, проводимых с целью поставить его в выгодное положение для того, чтобы иметь дело с Гитлером. Когда он присоединялся к Лиге Наций, когда предлагал систему коллективной безопасности, когда искал поддержки у Франции, флиртовал с Польшей, волевался за Великобританией и осуществлял интервенцию в Испанию, он просчитывал каждый свой шаг с точки зрения восприятия его в Берлине. Он надеялся занять такое положение, чтобы Гитлер, посчитав его выгодным, увидел преимущества в сотрудничестве со Сталиным.

Сталинская политика достигла наивысшей точки в конце 1936 года, во время заключения секретного германо-японского соглашения, переговоры о котором были замаскированы дымовой завесой антикоминтерновского пакта. Условия этого секретного договора, которые стали известны Сталину в основном благодаря моим усилиям и усилиям моих людей, подвигли его на отчаянную попытку пойти на сделку с Гитлером. В начале 1937 года такая сделка между ними действительно была возможна. Никто не знает, в какой мере недавний договор, заключенный в августе 1939-го, был подготовлен еще тогда.

Это случилось за два года до того, как Сталин начал показывать миру свое дружеское расположение к Германии. 10 марта 1939 года он сделал первое заявление, последовавшее за аннексией Австрии и оккупацией Судетов, дав свой ответ на завоевательные действия нацистов, шокировавшие весь мир. Мир был поражен попыткой Сталина примириться с Гитлером. Еще более мировая общественность была потрясена, когда Гитлер вошел в Чехословакию.

Документы (как открытые, так и засекреченные), свидетельствующие о сталинской политике умиротворения Гитлера, показывают, что чем агрессивнее становился Гитлер, тем больше Сталин ублажал его. И чем более Сталин преклонялся перед ним, тем наглее вел себя Гитлер.

Ход событий способствовал советско-германскому сотрудничеству задолго до прихода к власти Гитлера и даже самого Сталина. Связи Москвы и Берлина сформировались более чем за десять лет до Гитлера – в рамках Рапальского договора 1922 года. И к Советскому Союзу, и к Германской республике относились как к париям; обе страны не пользовались влиянием в альянсе, обе противостояли версальской системе. Они также имели деловые связи и взаимные интересы.

Сейчас всем известно, что в течение этих десяти лет существовала секретная договоренность между рейхсвером – германской армией – и Красной армией. Советская Россия разрешила Германской республике обойти версальские запреты, касающиеся учений офицеров артиллерийских и танковых войск, развития авиации и химического оружия. Все это делалось с попустительства Советов. С другой стороны, Красная армия пользовалась преимуществами, состоящими в получении знаний от немецких знатоков военного дела. Две армии обменивались информацией. Всем также известно, что в это десятилетие Советская Россия и Германия отлично сотрудничали в сфере торговли. Немцы вкладывали капитал и имели выгодные концессии в Советском Союзе. Советское правительство импортировало из Германии оборудование и инженеров.

Такова была ситуация на тот момент, когда вдруг над всем поднялась угрожающая фигура Гитлера. Примерно за семь-восемь месяцев до его прихода к власти, в самом начале лета 1932 года, я встречался в Данциге с одним из высших офицеров немецкого Генерального штаба. Он срочно прибыл на встречу со мной из Берлина. Это был военный старой школы, который верил в реставрацию Германской империи при сотрудничестве с Россией.

Я поинтересовался у этого офицера, каково его мнение о перспективах германской политики в случае прихода Гитлера в правительство. Мы обсудили его взгляды, изложенные в книге «Майн кампф». Немецкий офицер в подробностях проанализировал ситуацию и сказал: «Дайте Гитлеру прийти и сделать свою работу. А потом мы, армия, расправимся с ним».

Я спросил офицера, не будет ли он так любезен, чтобы изложить мне свои соображения на бумаге, чтобы отправить их в Москву, и он согласился. Его доклад всколыхнул кремлевские круги. Большинство пришло к выводу, что военные и экономические связи Германии и России так глубоки, что Гитлер не сможет не считаться с ними. Москва видела в резких высказываниях Гитлера против большевизма некий маневр на пути к власти. Они имели свое объяснение. Но не меняли базовые интересы этих двух стран, которые просто не могли не сотрудничать.

Сталин и сам был крайне доволен докладом немецкого офицера. Несмотря на существование нацистской доктрины о «продвижении на Восток», он уповал на традиционные связи рейхсвера и Красной армии, а также питал уважение как к самой германской армии, так и к ее военному руководству под началом генерала фон Секта. Доклад немецкого офицера соответствовал его собственным взглядам. Сталин видел в нацистском движении прежде всего реакцию на Версальский мир. Ему казалось, что под руководством Гитлера Германия просто попытается отделаться от Версаля. Советское правительство сумело сделать это первым. Действительно, Москва и Берлин первоначально объединились в совместной оппозиции против ненасытных союзников-победителей.

Исходя из этих соображений Сталин не делал попыток разорвать тайные связи Москвы и Берлина, когда к власти пришел Гитлер. Напротив, он пытался приложить все усилия, чтобы сделать их крепче. Именно Гитлер был тем человеком, кто в первые три года своего правления постепенно ослаблял близкие отношения между Красной армией и армией Германии. Но это не отпугнуло Сталина. В своем стремлении заполучить дружбу Гитлера он стал еще более настойчивым.

28 декабря 1933 года, спустя одиннадцать месяцев пребывания Гитлера на посту канцлера, глава Совета народных комиссаров, Молотов, выступая на съезде Советов, отстаивал приверженность Сталина к прежней политике относительно Германии:

– Взаимодействию с Германией всегда отводилась важная роль в выстраивании международных отношений. Советский Союз со своей стороны не видит причин менять что-либо в своей политике по отношению к Германии.

На следующий день, перед заседанием все того же съезда, комиссар по международным делам Литвинов в своем желании понять намерения Гитлера пошел дальше, чем Молотов. Литвинов воспринял программу, очерченную в «Майн кампф» как стремление немцев вернуть все свои территории. Он говорил о решимости нацистов «огнем и мечом проложить дорогу на восток и, не останавливаясь на границе Советского Союза, поработить народы этого государства». И далее он продолжил: «Уже десять лет нас связывают с Германией тесные экономические и политические отношения. Мы были единственной великой страной, которая ничего не получила от Версальского договора и его решений. Мы отказались от тех прав и преимуществ, которые этот договор давал нам. Германия вышла на первое место в нашей международной торговле. И мы, и Германия получили невероятные преимущества от политических и экономических отношений, которые установились между нами. (Глава исполнительного комитета Калинин: «Особенно Германия!») Пользуясь этим, Германия смелее и увереннее говорит со своими вчерашними победителями».

Намек, содержащийся в выкрике Калинина, явно имел своей целью напомнить Гитлеру о советской помощи, которая и способствовала тому, что теперь он мог бросить вызов версальским победителям. И Литвинов сделал следующее официальное заявление:

– Мы хотели бы иметь наилучшие отношения с Германией, так же как и с другими странами. Советский Союз и Германия не могут получить от таких отношений ничего, кроме выгоды. Со своей стороны мы не имеем желания осуществлять экспансию ни на запад, ни на восток, ни в каком-либо другом направлении. Мы бы хотели, чтобы и Германия заявила бы нам то же самое.

Гитлер не сказал ничего. Но это не отпугнуло Сталина. Лишь воодушевило его на еще более энергичное улаживание нацистского режима.

26 января 1934 года Сталин, обращаясь к XVII съезду Коммунистической партии, продолжал политику умиротворения Гитлера. Последний пребывал во власти ровно год. Он не откликнулся на политические авансы Москвы, хотя вступил в торговлю с Советской Россией на весьма выгодных для себя условиях. Сталин посчитал это жестом политической доброй воли. Он ссылаясь на нацистских деятелей, выступавших за возвращение к «политике бывшего кайзера Германии, который одновременно оккупировал Украину, предпринял бросок в сторону Ленинграда и сделал балтийские страны плацдармом для этого броска». Сталин считал, что в политике Германии произошли изменения, которые он относил не к теориям национал-социализма, а к желанию взять реванш за Версаль. Он отрицал возможность изменения политики Советской России в отношении Берлина из-за «установления фашистского режима в Германии» и протягивал руку Гитлеру с такими словами:

– Конечно, мы далеки от энтузиазма по поводу фашистского режима в Германии. Но фашизм здесь ни при чем, если только фашизм не мешает, как, например, в Италии, установлению хороших отношений с этой страной.

Берлин проигнорировал протянутую руку Сталина. У Гитлера были свои планы на этот счет. Но Сталин не потерял надежды. Он лишь решил поменять методы. Рассматривая нацистскую агитацию за антисоветский блок как маневр со стороны Гитлера, он посчитал нужным ответить на него контрманевром. И с этого момента советское правительство стало проявлять себя сторонником версальской системы, присоединилось к Лиге Наций и даже вошло в антигерманский блок. Сталин полагал, что выраженная таким образом угроза приведет Гитлера в чувство.

Сталин нашел блестящего журналиста, чтобы тот подготовил почву для этого акробатического трюка. Нужно помнить, что все советское поколение воспитывалось в уверенности в том, что Версальский договор был самым пагубным из всех, подписанных когда-либо ранее, и что его авторы были какой-то бандитской шайкой. Переодеть советское правительство в одежду защитников Версаля было непростой задачей. В Советском Союзе имелся лишь один человек, который был способен должным образом осуществить этот дерзкий трюк как для внутреннего, так и для международного потребления. Карл Радек. Человек, который впоследствии сыграл столь трагическую роль во время большого показательного суда в январе 1937 года. Сталин дал Радеку задание подготовить Россию и мировую общественность к изменению его тактики.

Я много раз встречался с Радеком в те дни. Это было ранней весной 1934 года в здании Центрального комитета Коммунистической партии. Узкий круг в Москве гудел о том, что Радек получил задание выпустить серию статей, подготавливающих общественность к грядущему развороту в политике Кремля.

Статьи должны были одновременно появиться в «Правде» и в «Известиях» – главных коммунистических и советских печатных изданиях. Предполагалось, что газеты по всему миру перепечатают их, и они будут внимательно изучены в европейских канцеляриях. Радеку предстояло обелить Версальский мир, объявить новую эру дружбы с Парижем и убедить всех тех,

кто симпатизировал Советам за границей, что такая позиция не входит в противоречие с коммунизмом, и в то же самое время оставить дверь открытой для соглашения с Германией.

Благодаря своим частым звонкам в кабинет Радека я знал, что он ежедневно консультировался со Сталиным. Иногда он мчался к Сталину по нескольку раз на день. Каждая фраза, написанная им, становилась предметом пристального рассмотрения Сталина. Эти статьи во всех смыслах стали совместным трудом Радека и Сталина.

Когда эти работы еще были в стадии подготовки, комиссар Литвинов не оставлял своих попыток заключить соглашение с Гитлером. В апреле он предложил Германии совместное предприятие, которое могло бы сохранить и гарантировать независимость и неприкосновенность Балтийских государств. Берлин это предложение отверг.

Статья Радека вызвала широкий отклик и была воспринята как предзнаменование поворота Советского Союза к Франции и Малой Антанте и его отхода от Германии. «Немецкий фашизм и японский империализм, – писал Радек, – борются за передел мира; эта борьба направлена против Советского Союза, против Франции, Польши, Чехословакии, Румынии и Балтийских государств, против Китая и Соединенных Штатов Америки. А британский империализм хотел бы направить эту борьбу исключительно против Советского Союза».

Тогда у меня состоялась одна беседа с Радеком. Он знал, что я был осведомлен о его задании. Я бросил замечание по поводу нашей «новой политики» и сказал о впечатлении, которое создавалось в неинформированных кругах.

Радек в ответ разразился целым потоком слов:

– Только дураки могут думать, что мы когда-либо порвем с Германией. То, что я пишу, – это одно, а реальность – нечто совсем иное. Никто не в состоянии дать нам то, что может дать Германия. Для нас разрыв с Германией просто невозможен.

Радек продолжал излагать то, что и так мне было слишком хорошо известно. Он говорил о наших отношениях с германской армией, с которой мы были очень близки даже и при Гитлере, о наших отношениях с большим бизнесом в Германии – разве промышленники не держат Гитлера на коротком поводке? Конечно, Гитлер не пойдет против Генерального штаба, который выступает за сотрудничество с Россией. Конечно, Гитлер не скрестит шпаги с германскими деловыми кругами, а ведь они ведут с нами обширную торговлю. Эти две силы и есть столпы германо-советских отношений.

Он назвал идиотами тех, кто думает, что Советская Россия должна отвернуться от Германии из-за нацистских гонений на коммунистов и социалистов. Да, Коммунистическая партия Германии была уничтожена. Ее лидер Тельман заключен в тюрьму. Тысячи ее представителей находятся в концлагерях. Но это лишь одна сторона медали. Говоря о жизненно важных интересах России, нужно принимать во внимание и кое-что еще. Эти интересы требуют продолжения политики сотрудничества с Германским рейхом.

Что же касается статей, которые он пишет, то почему они должны опираться на факты? Это все дело большой политики. Это необходимый маневр. Сталин не собирается рушить отношения с Германией. Напротив, он ищет способы приблизить Берлин к Москве.

Все это было элементарным для тех из нас, кто был посвящен в политику Кремля. Весной 1934 года никто из нас не думал, что разрыв с Германией возможен. Мы все относились к статьям Радека как к новой сталинской стратегии.

Литвинов отправился в поездку по европейским столицам – якобы в интересах так называемого Восточного Локарнского пакта, который должен был гарантировать сохранение границ стран Восточной Европы путем взаимных соглашений заинтересованных государств. Он посетил Женеву. Его визит дал почву слухам о предстоящем франко-российском сближении и увенчал таким образом работу, начатую статьями Радека. В это же время Сталин упрямо продолжал убеждать политбюро: «И тем не менее мы должны быть вместе с немцами».

13 июня 1934 года Литвинов остановился в Берлине, чтобы встретиться с бароном Константином фон Нейратом, тогдашним министром иностранных дел в правительстве Гитлера. Литвинов пригласил Германию присоединиться к Восточноевропейскому пакту. Фон Нейрат решительно отклонил это предложение и резко указал на то, что такой шаг будет способствовать сохранению версальской системы. Когда Литвинов намекнул на то, что Москва может усилить свои связи с другими странами с помощью вступления в военные альянсы, фон Нейрат ответил, что Германия готова пойти на риск и оказаться в окружении.

На следующий день, 14 июня, Гитлер и Муссолини встретились на обеде в Венеции.

Сталин не был обескуражен этим очередным отказом со стороны Берлина. С помощью советских торговых эмиссаров он вновь и вновь прилагал усилия, направленные на то, чтобы убедить правящие круги Германии в своем искреннем желании найти точки соприкосновения с Гитлером. Сталин дал им разрешение намекать на то, что Москва готова пойти на уступки Германии.

Одновременно Сталин пытался побудить Польшу четко определиться со своей политикой как направленной против Германии. В то время никто не знал, какой путь выберет Польша, и для рассмотрения этой проблемы было созвано специальное заседание политбюро. Литвинов, Радек, а также все представители Наркомата по военным делам считали, что на Польшу можно повлиять так, чтобы она действовала сообща с Советской Россией. И только Артузов, начальник иностранного отдела ОГПУ, был не согласен с этой точкой зрения. Он смотрел на польско-советские отношения как на иллюзию. Артузов, слегка поторопившийся встать в оппозицию большинству членов политбюро, был резко прерван самим Сталиным: «Вы вводите политбюро в заблуждение».

Это замечание быстро облетело ближний круг. На смельчака Артузова все смотрели как на конченого человека. Последующие события доказали правоту Артузова. Польша встала на сторону Германии, и, быть может, именно это спасло Артузова на некоторое время. Он был швейцарцем, жившим в царской России и работавшим там учителем французского языка. Еще до мировой войны он участвовал в революционном движении и в 1917 году вступил в коммунистическую партию. Он был невысокого роста, седоволосый, имел козлиную бородку и любил музыку. Он женился на русской женщине и завел семью в Москве. В 1937 году, во время великих репрессий, он был арестован и казнен.

Фиаско с Польшей еще больше усилило уверенность Сталина в необходимости умиротворить Гитлера. Он использовал любую возможность донести до Берлина его готовность к установлению дружбы. Гитлеровская «ночь длинных ножей» 30 июня возвысила нацистского лидера в глазах Сталина. Впервые Гитлер продемонстрировал людям в Кремле, что он знает, как обращаться с властью, что он диктатор не только по имени, но и по своим делам. Если у Сталина и были до этого сомнения в способности Гитлера править железной рукой, крушить оппозицию и диктовать свою волю даже влиятельным политическим и военным силам, то теперь эти сомнения улетучились. С этой минуты Сталин начал признавать в Гитлере мастера, человека, способного бросить вызов всему миру. Это обстоятельство, связанное с ночью 30 июня, более чем что-то иное, повлияло на решение Сталина любой ценой добиться взаимопонимания с нацистским режимом.

Две недели спустя, 15 июля, Радек опубликовал статью в официальном советском печатном органе – газете «Известия», в которой попытался напугать Берлин соглашением между Москвой и Версalem. Однако он закончил совершенно противоположным заявлением: «Нет такой причины, по которой фашистская Германия и Советская Россия не могли бы поладить, в том же отношении, в каком добрыми друзьями являются Советский Союз и фашистская Италия».

Предупреждение Гитлера о том, что Германия готова рискнуть и оказаться в окружении, высказанное через фон Нейрата, подвигло Сталина предпринять шаги по созданию контрокру-

жения. Тогда еще существовали тесные взаимоотношения между Красной армией и армией Германии. Торговые связи двух стран также были живы. И потому Сталин смотрел на политический курс Гитлера по отношению к Москве как на маневр с целью получить более выгодную дипломатическую позицию. И чтобы его не обошли с флангов, он решил сам совершить ответный маневр.

Литвинова снова отправили в Женеву. В конце ноября 1934-го он договорился с Пьером Лавалем о предварительном соглашении, предусматривающем пакт о взаимовыгодном сотрудничестве и помощи между Францией и Россией, который был целенаправленно оставлен открытым и для других участников. Этот протокол был подписан 5 декабря в Женеве.

Четыре дня спустя Литвинов выступил со следующим заявлением: «Советский Союз никогда не имел намерения прервать всесторонние дружеские отношения с Германией. Таково, я уверен, и отношение Франции к Германии. Восточноевропейский пакт сделал бы возможным создание и дальнейшее развитие таких отношений между этими тремя странами так же, как и между другими сторонами пакта».

Гитлер наконец-то ответил на этот маневр. Советскому правительству были открыты большие кредиты. Сталин страшно воодушевился. Финансовые интересы Германии, по мнению Сталина, заставили Гитлера раскрыть карты.

Весной 1935 года, во время визита Энтони Идена, Пьера Лаваля и Эдварда Бенеша в Москву, Сталин переживал, как он полагал, триумф. Рейхсбанк предоставил советскому правительству долгосрочный заем в 200 000 000 золотых марок.

Вечером 2 августа 1935 года я с Артузовым и другими его подчиненными находился на Лубянке, в помещении иностранного отдела ОГПУ. Дело было накануне знаменитого первого перелета Леваневского из Москвы в Сан-Франциско через Северный полюс. Мы все ждали машину, чтобы поехать проводить Леваневского и двух его товарищей в Америку. Ожидая ее и убирая бумаги в сейфы, мы вдруг заговорили о наших отношениях с нацистским режимом. Артузов показал нам секретный отчет, только что полученный от одного из наших ведущих агентов в Берлине. Его готовили в ответ на беспокоивший Сталина вопрос: «Насколько влиятельны в Германии те силы, которые выступают за связи с Советским Союзом?»

Представив крайне интересный обзор внутренней экономики и политических условий в Германии, рассказав об элементах возможного несогласия, об отношениях Берлина с Францией и другими державами, о влиятельных людях в окружении Гитлера, наш корреспондент пришел к следующему заключению: «Все советские попытки умиротворить и успокоить Гитлера обречены на провал. Главное препятствие в достижении взаимопонимания с Москвой – это сам Гитлер».

Этот отчет произвел на всех нас глубокое впечатление. Его логика и факты казались неопровержимыми. Мы поинтересовались, как воспринял его «сам». Артузов заметил, что сталинский оптимизм в отношении Германии непоколебим.

– Вы знаете, что Хозяин сказал на последнем заседании политбюро? – Артузов махнул рукой и процитировал Сталина: – «Ну, если Гитлер собирается с нами воевать, зачем тогда он предоставляет нам такие займы? Это невозможно. Деловые круги Германии слишком сильны, а они сейчас на коне».

В сентябре 1935 года я уехал в Западную Европу, чтобы вступить там в новую для меня должность начальника военной разведки. Но уже через месяц я прилетел обратно в Москву. Мой поспешный отъезд был вызван экстраординарным поворотом событий.

Возглавив разведывательную сеть, я обнаружил, что один из наших агентов в Германии неожиданно узнал о тайных переговорах японского военного атташе в Берлине – генерал-лейтенанта Хироси Осимы – и барона Иоахима фон Риббентропа – тогдашнего гитлеровского неофициального министра по особым вопросам в международных отношениях.

Я решил, что эти переговоры были настолько важны для советского правительства, что требуют моего исключительного внимания. Наблюдая за их ходом, я понимал, что это не обычная рутина. Для выполнения задания я должен был располагать очень смелыми и опытными людьми. Именно с этой целью я вернулся в Москву, где должен был также доложить обо всем своему руководству. Прибыв обратно в Голландию, я уже обладал необходимыми полномочиями и средствами, чтобы получить всю возможную информацию о беседах Осимы и Риббентропа.

Эти беседы шли не по обычным внешним дипломатическим каналам. Японский посол в Берлине и германское министерство иностранных дел в них не участвовали. Фон Риббентроп, неофициальный эмиссар Гитлера, лично решал вопросы с японским генералом. К концу 1935 года я располагал информацией, которая недвусмысленно указывала на то, что эти переговоры имели определенную цель. Конечно, мы знали, что целью было поставить мат Советскому Союзу.

Мы также знали, что в течение многих лет японская армия стремилась раздобыть чертежи и образцы особенного немецкого противовоздушного оружия. Милитаристы в Токио продемонстрировали свое желание любой ценой заполучить от Берлина все последние технические образцы этого оружия. Это и была отправная точка германо-японских переговоров.

Сталин внимательно следил за их ходом. Было ясно, что Москва решила попытаться предать переговоры гласности. В начале января 1936 года в западноевропейской прессе стали появляться статьи о том, что Германия и Япония заключили какое-то секретное соглашение. 10 января советский премьер-министр Молотов публично сослался на эти доклады. Еще через два дня Токио и Берлин заявили, что эти слухи не имеют под собой никаких оснований.

Единственным следствием обнародования информации стала возросшая секретность этих переговоров, а кроме того, германское и японское правительства были вынуждены каким-то образом замаскировать то, что происходило в действительности.

На протяжении 1936 года все мировые столицы были взбудоражены публичными и закрытыми докладами о германо-японских делах. Повсюду в дипломатических кругах делались различные волнующие предположения о них. Москва настоятельно требовала документальных доказательств наличия такого соглашения. Мои люди в Германии рисковали жизнью, работая в обстановке невероятной сложности. Они знали, что никакая цена не будет в этом случае высокой и никакая опасность не окажется слишком большой.

Нам было известно, что нацистские спецслужбы перехватили копии закодированных сообщений, которыми во время переговоров обменивались генерал Осима и Токио. В конце июля 1936 года я получил информацию о том, что нашим людям в Берлине в конце концов удалось добыть полную папку этой конфиденциальной корреспонденции в фотостатических копиях. Этот открытый канал должен был обеспечивать нас всеми будущими сообщениями, которые Осима будет посылать своему правительству и которые то будет отправлять ему.

И вот потянулись дни почти невыносимого ожидания, когда я знал, что эти бесценные материалы уже в наших руках, но должен был ждать их безопасной доставки из Германии. Никаких шансов пока не представлялось, и я продолжал терпеливо ждать.

8 августа поступила информация о том, что курьер с корреспонденцией пересек германскую границу и должен уже быть в Амстердаме. Я находился в Роттердаме, когда доставили сообщения. Вместе с моим помощником мы сели в автомобиль и помчались в Амстердам. По дороге мы встретились с нашим агентом, который торопился ко мне с материалами. Мы остановились прямо на шоссе.

– Вот. Мы все получили, – сказал он и передал мне свертки с пленкой; именно так мы обычно упаковывали нашу почту.

Я направился прямо в Харлем, где у нас имелась секретная фотолаборатория. Корреспонденция Осимы была закодирована, но в нашем распоряжении была книга с японскими

кодами. А кроме того, в Харлеме нас ждал первоклассный специалист по японскому языку, которого нашла для нас Москва. Я не мог заставлять Москву ждать, пока документы придут к ним с курьером, но я не мог и послать закодированные сообщения из Голландии. У меня был один человек, готовый в любой момент лететь в Париж и оттуда отослать длинное сообщение в Москву.

Пока документы расшифровывали, я понял, что передо мной лежит полная переписка Осимы с Токио, которая шаг за шагом раскрывает ход его переговоров с фон Риббентропом, а также указания японского правительства. Генерал Осима докладывал, что переговоры проходили под личным контролем Гитлера, который часто совещался с Риббентропом и давал ему инструкции. Корреспонденция Осимы показала, что целью переговоров было заключение секретного пакта о координации всех действий, предпринимаемых Берлином и Токио в Западной Европе, а также в Тихом океане. В ней не содержалось никаких упоминаний Коммунистического интернационала и вообще не говорилось ни о каких шагах против коммунизма. Переписка по поводу переговоров длилась больше года.

По условиям секретного соглашения, Япония и Германия должны были согласовывать все свои вопросы по Советскому Союзу и Китаю и не предпринимать никаких действий в Европе или в Тихом океане без консультаций друг с другом. Берлин также дал согласие предоставить Токио разработки военного оружия и обменяться военными миссиями с Японией.

И вот в пять часов дня мой курьер вылетел в Париж, имея при себе мое закодированное сообщение. Я вернулся домой и решил несколько дней передохнуть. С этого момента вся переписка генерала Осимы с Токио регулярно проходила через наши руки. Из нее мы узнали, что в конечном итоге секретный пакт был подписан генералом Осимой и фон Риббентропом. В этом пакте говорилось о многостороннем сотрудничестве Японии и Германии, которое выходило за рамки Китая и Советской России.

Но одна проблема все же осталась: как замаскировать это секретное соглашение? Чтобы ввести в заблуждение мировую общественность, Гитлер решил начать работу над антикоммунистическим пактом.

25 ноября в присутствии всех посланников зарубежных государств в Берлине, за исключением Советского Союза, официальные представители правительств Германии и Японии подписали антикоммунистический пакт: публичный документ, состоящий из пары коротких статей. Именно он и призван был скрыть секретное соглашение, существование которого так никогда и не признали.

Конечно, Сталин владел всеми доказательствами, которые я предоставил ему. Он решил показать Гитлеру, что советскому правительству все известно. Комиссар иностранных дел Литвинов получил задание начать действия против Берлина. 28 ноября, обращаясь к внеочередному съезду Советов, Литвинов сказал:

– Хорошо информированные люди отказываются верить, что для подписания двух незначительных статей, которые были опубликованы как германо-японское соглашение, потребовалось пятнадцать месяцев вести переговоры; что эти переговоры были доверены японскому генералу и сверхвлиятельному немецкому дипломату и что они велись в обстановке повышенной секретности и держались в секрете даже от официальной дипломатии Германии и Японии...

Что касается опубликованного германо-японского соглашения, то я бы рекомендовал вам не искать в нем никакого смысла, поскольку в нем на самом деле никакого смысла нет. Оно лишь прикрытие для другого соглашения, которое одновременно с ним обсуждалось, инициировалось и, вероятно, также подписывалось и которое не было опубликовано, и никто не намерен его публиковать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.